

текст (№ 473) с вариантом в сборнике Афанасьева (№ 220). Это сравнение показало, с одной стороны, безусловное единство этих текстов, а с другой — их серьезные расхождения в отдельных фрагментах: введение А. Н. Афанасьевым отсутствующих в подлиннике диалогов, свободный пересказ, замена слов и выражений и т. д.

Громадная и плодотворная текстологическая работа, продоланная В. И. Чернышевым, М. К. Азадовским, Н. П. Андреевым, Ю. М. Соколовым, Л. Г. Барагом и Н. В. Новиковым по разысканию источников и атрибуции многих сказочных текстов собрания Афанасьева, продолжается. Она, по-видимому, не сулит уже больших архивных открытий, но обращение к архивам отдельных собирателей, возможно, со временем выявит новые первоисточники сказок, вошедших в собрание А. Н. Афанасьева, занимающего одно из первых мест среди художественного наследия старой классической фольклористики.

В. И. Еремина

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Х. Ловмянский. Русь и норманны. Пер. с польского/Под ред. Пашуто В. Т., Янина В. Л., Мельниковой Е. А. М.: Прогресс, 1985. 304 с.

Книга известного польского медиевиста академика Х. Ловмянского, с переводом которой ныне получили возможность ознакомиться советские читатели, вышла на языке оригинала в 1957 г. За прошедшие три десятилетия изучение рассматриваемых в ней проблем не стояло на месте. Не все положения автора сохранили свое значение до сегодняшнего дня, но, по выражению самого Х. Ловмянского, приведенному в предисловии В. Т. Пашуто, гипотеза, даже опровергнутая, как солдат, павший в бою за правое дело, «гибнет не напрасно, служа выяснению научной истины» (с. 11). Основные выводы рецензируемого труда выдержали проверку временем.

Работа Х. Ловмянского — первое в зарубежной медиевистике комплексное исследование, освещающее с марксистских позиций проблему генезиса славянских государств. Оно основывается на анализе лингвистических, этнографических, археологических и письменных источников с привлечением сравнительно-исторических данных по античности, германским народам и народам Прибалтики.

Ценность работы польского историка заключается прежде всего в том, что он одним из первых в зарубежной медиевистике подчеркнул решающую роль внутренних социально-экономических факторов в генезисе славянских государств, в частности Польского и Древнерусского.

На примере образования Польского государства Х. Ловмянский убедительно опровергает созданные реакционной немецкой историографией тенденциозные легенды о норманнах как решающей силе в этом процессе. Он показывает, что ни письменные источники, ни археологические данные не свидетельствуют о сколько-нибудь значительном присутствии норманнского элемента на территории Полонии в составе польского господствующего класса в раннем средневековье. Главное же место в книге занимает полемика с концепцией норманнского завоевания восточных славян.

Х. Ловмянский одним из первых среди антинорманнистов выдвинул тезис об ассимиляции норманнов на Руси славянами. В качестве доказательства «далеко зашедшей ассимиляции пришлого скандинавского элемента в русской среде» (с. 108) он приводит археологические находки захоронений в Гнездове, Ярославском Поволжье, Киеве и Чернигове, в разной степени содержащих следы скандинавского влияния. Как подчеркивается в примечаниях к основному тексту книги, составленных В. Я. Петрухиным при участии Е. А. Мельниковой, новейшие исследования показали, что связываемые с великокняжескими дружинниками камерные гробницы «типологически и генетически... близки к скандинавским, но имеют отличия в конструкции... что свидетельствует о самостоятельном развитии этого обряда на Руси и об ассимиляции варягов» (с. 262). Отметим также, что исследования советскими археологами Гнездовских дружинных курганов показали, что во второй половине X в. обряд трупосожжения в ладье из этнического (присущего норманнам) превращается в социальный, характерный для дружинной знати, вне зависимости от ее племенного происхождения, и исчезает к концу X в. Это также свидетельствует о постепенной ассимиляции варягов¹. Норманны на Руси, по мнению автора, выступали в процессе государствообразования в качестве внутреннего, и притом не главного фактора, при преобладающем этнокультурном воздействии восточнославянской среды. Как показывает Х. Ловмянский, варяги, оставшиеся на Руси на протяжении нескольких поколений, вливались в состав древнерусского правящего класса (см. гл. VI — «Скандинавы в составе господствующего класса на Руси»). Они активно осваивали язык восточных славян, что подтверждается исполь-

¹ См. Булкин В. А. Большие курганы Гнездовского могильника//Скандинавский сборник. Таллин, 1975. Вып. XX. С. 143—145.

зованием славянских имен уже во втором-третьем поколениях норманнов и значительным числом восточнославянских заимствований в древнешведском языке, сопоставимом с количеством скандинавских заимствований в древнерусском, а также сообщениями исландских саг об изучении викингами языка восточных славян².

Новейшие исследования помогли скорректировать некоторые положения рецензируемой книги. Их результаты весьма полно представлены в уже упомянутых примечаниях к советскому изданию, в предисловии В. Т. Пашуто и в послесловии Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина. Они, в частности, отмечают, что нуждается в пересмотре отставшая Х. Ловмянским точка зрения, согласно которой название Русь у восточных славян первоначально было географическим понятием и имело южное, приднепровское происхождение (с. 191). Данные лингвистики, как подчеркивается в комментариях к рецензируемой книге, говорят о том, что наиболее вероятен переход от древнескандинавского *roth(e)R* к финскому *Ruotsi* и древнерусскому *русь*, причем слово *roth(e)R* имеет комплекс значений: «гребля, весло, плавание на гребных судах, гребцы, участники похода на гребных судах» (с. 279). Это согласуется с археологическими данными о финской субстратной среде взаимодействия восточных славян и скандинавов. *Ruotsi* — это слово, которым финны и воспринявшие его от них в форме *русь* прильменские славяне называли участников ледуга — военного похода на ладьях. Описание подобного похода можно встретить у Константина Багрянородного, а его археологическим отражением является скандинавского происхождения захоронение в ладье³. Таким образом, можно заключить, что название *ruotsi* (*русь*) было не самопозванием, а финно-славянским экзотонимом определенной профессиональной группы. В этой связи отметим, что первоначально экзотонимами являлись и такие названия, как «франки» и «болгары». Первое было дано романским населением Галлии, пришедшим на его территории германским племенам; второе — славянами на Балканах тюркским племенам, вторгшимся на полуостров. Как подчеркивает Х. Ловмянский, и скандинавская этимология названия *русь* «не свидетельствует как таковая о решающей роли норманнов» в процессе государствообразования у восточных славян (с. 164).

После прихода к власти скандинавской династии на северо-западе, а потом в Киеве это название обозначало определенную социальную группу, потом стало политонимом, а позднее — этнонимом формирующейся древнерусской народности. С этой концепцией согласуется положение о том, что в географическом смысле название Русь первоначально имело широкое значение. Д. С. Лихачев подчеркивает, что единство «Русской земли» воплощало единство княжеского рода и древнерусского языка⁴. «Род» и «Земля» слиты, а поэтому «центр „Русской земли“ по преимуществу там, где сидит старейший в княжеском роде, к которому устремляются востолобные надежды каждого члена княжеского рода, т. е. Киев. Отсюда ошибка историков, и в частности М. Н. Тихомирова и его предшественников, которые отождествляли центр „Русской земли“ с „Русской землей“ вообще».

Что же касается вопроса о том, пришли ли Рюрик и Олег на княжеский престол по соглашению («ряду») с верхушкой местных славянских племен, как о том гласит легенда о призвании варягов, или захватили власть силой, то здесь мнения антинорманистов расходятся. Сам Х. Ловмянский, как и В. Т. Пашуто, склонен считать реальным, что скандинавская династия была призвана мирным путем. Многие советские исследователи, в том числе Б. А. Рыбаков и М. А. Алпатов, полагают, что позднейшей легендой хотели только прикрыть имевшее место завоевание. М. А. Алпатов указывает, например, что «норманнов и в самом деле никто и нигде не пригласил — они являлись сами. Их вторжения на берега Волхова и Днепра ничем не отличались от таких же военных акций в других странах — в Англии, Франции (Нормандия), Италии (Королевство обеих Сицилий)»⁵. В своей книге Х. Ловмянский справедливо подчеркивает разную роль норманнов в Западной и Восточной Европе, связанную с тем, что на Западе была более или менее широкая норманнская крестьянская колонизация, а на Востоке она практически отсутствовала. На современном уровне науки, когда о политических отношениях скандинавов и восточных славян мы знаем только из скудных летописных известий, нельзя судить, было ли в действительности мирным призвание Рюрика, да и любое решение этого вопроса не меняет принципиального характера русско-варяжских этнических отношений. Если можно признать факт захвата «находникам-варягами» земель прильменских славян, то уже захват Киева Олегом нельзя свести к варяжскому набегу, поскольку в его войске были и славяне — новгородцы и кривичи. Да и на северо-западе, как и в Киеве, скандинавская династия с немногочисленной дружиной смогла удержаться только потому, что ее политика отвечала интересам верхушки восточнославянского общества. Норманны и восточные славяне стояли примерно на одинаковом уровне общественного развития. Поэтому совершенно

² См. Мельникова Е. А. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке // Древнейшее государство на территории СССР. 1982 г. М., 1984. С. 65—67.

³ См.: Петрухин В. Я. О начальных этапах формирования древнерусской народности в свете данных погребального обряда // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд. Тезисы докладов. М., 1985. С. 63—64. О том, что скандинавское происхождение этнонима *русь* согласуется с ономастикой северо-западной окраины восточнославянского ареала и является обоснованной с историко-филологической точки зрения, см. Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами восточнославянского глоттогенеза. М., 1979. С. 216—218.

⁴ Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. Статьи и очерки. Л.: Наука, 1985. С. 356.

⁵ Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). М.: Наука, 1985. С. 18.

справедливой представляется высказанная Х. Ловмянским и развитая авторами последняя мысль о том, что периодизацию русско-скандинавских отношений надо проводить с точки зрения феодализации древнерусского и скандинавских обществ. Х. Ловмянский выделил конец X в. как рубеж, когда скандинавский элемент ассимилировался по преимуществу славянским правящим классом, а «русские князья», особенно новгородские, «охотно прибегают к помощи варяжских отрядов» (с. 229).

В свете современных данных археологии и письменных источников авторы комментария предлагают следующую периодизацию русско-скандинавских отношений в раннем средневековье. На первом этапе — до середины IX в. — эти связи развивались в условиях формирования раннесредневековых народностей в обоих регионах, образования племенных конфедераций как этнических, территориальных и политических структур и в процессе славянской колонизации финских земель, куда проникали лишь небольшие группы скандинавов. На втором этапе — вторая половина IX — первая половина X в. — в условиях ускорения феодализации восточнославянского общества норманны участвуют в социально-экономических процессах, приведших к формированию Древнерусского государства. На третьем этапе — середина — конец X в. — в условиях консолидации Древнерусского государства и дальнейшего развития государственности в Скандинавии выделяется феодализирующаяся знать, противостоящая племенной верхушке аристократии. Норманны быстро ассимилируются в славянской среде в связи с их участием в военной и политической жизни государства. На четвертом этапе — конец X — первая половина XI в. — русско-скандинавские отношения стали прежде всего межгосударственными, а роль скандинавов во внутренних социально-политических процессах Древней Руси упала (с. 242—243). Отметим, что свидетельством существования в первой половине X в. в составе формирующегося правящего класса Древнерусского государства значительных групп не полностью ассимилированных выходцев из Скандинавии является сообщение Константина Багрянородного о русских (росских, скандинавских) названиях днепровских порогов.

В целом книга Х. Ловмянского и комментарии к ее русскому переводу дают хорошее представление о современном состоянии и дальнейших путях исследования проблемы русско-скандинавских связей в раннем средневековье. В ней подчеркивается, что «не Киев обязан норманнам началом своей государственной организации, а норманны благодаря развитую государственную устроившуюся на Руси... нашли условия для участия в этом процессе» (с. 153). Х. Ловмянский, таким образом, одним из первых поставил проблему взаимодействия внутренних и внешних факторов в процессе становления государства у славянских народов. Дальнейшие исследования призваны выявить особенности этнодемографической ситуации на Руси в IX—XI вв. и формирования древнерусской народности, в которой слились помимо основного славянского также скандинавский, балтский, финский и тюркский компоненты, причем норманны выступали здесь как сила, стоящая над старыми родоплеменными объединениями.

Книга Х. Ловмянского остается одним из наиболее фундаментальных критических сводов данных по «варяжскому вопросу».

Б. В. Соколов

Der Wandel der Dörfer und Städte und die gegenseitige Beeinflussung in der Zeit nach dem Ersten Weltkrieg//Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimetuksia, № 187. Helsinki, 1985. 247 S.

Сборник «Развитие и взаимодействие культур города и деревни в период после первой мировой войны» представляет собой публикацию докладов советско-финляндского этнографического симпозиума, состоявшегося в Москве в апреле 1983 г. Проблема рассматривалась на материалах по финно-угорским и соседним народам.

Финляндские исследователи затронули одну из важных проблем формирования городской культуры в Финляндии. М. Рясänen (Ювяскюля) сформулировал ее уже в названии своей статьи: «От доиндустриального города к индустриальному. Есть ли культурная преемственность?». В старых городах Финляндии в доиндустриальный период формы культуры определялись шведским населением, занимавшим здесь господствующее положение. С конца XIX в. в связи с быстрым развитием промышленности в города из сельской местности хлынул мощный поток финнов. Культура шведоязычного населения, оказавшегося в меньшинстве, потеряла свою главенствующую роль, а у финских переселенцев еще не сложилось собственных форм городского быта. Культурная преемственность во многих старых городах страны оказалась в этот период нарушенной.

Той же проблеме — взаимодействию образа жизни шведов и финнов в городе — посвящена статья А. М. Острем (Хельсинки) «Социальная структура и социальные контакты шведоязычного населения в малом приморском городе Каске в XX в.». До конца XIX в. в Каске жили почти исключительно финляндские шведы; значительная часть их занималась рыболовством, а также сельским хозяйством, т. е. это был «аграрный город». Приток финского населения, связанный с возникновением целлюлозной фабрики, увеличил число горожан более чем вдвое, но город остался небольшим (2 тыс. чел. на 1985 г.). Малые размеры города определяют отсутствие здесь и в наши дни «формального», «городского поведения». Языковая граница всегда разделяла шведское и финское население; она остается и сейчас ощутимой, проявляясь не только в повседневном общении, но и в общественно-политической жизни.

Этнографии русского города посвящены две статьи советских авторов М. Г. Рабинович (Москва) проанализировал взаимодействие города и деревни в их историческом развитии, подчеркивая, что большая часть материальной культуры средневекового